

* * *

чего ты паришь мне за искусство
оно молчало когда как тля
мою страну пожирали с чувством
пиндосы мля либералы мля
не надо басен месье керенский
вы в баден-бадене пили ром
когда ребят после двух чеченских
не успевал отвозить харон
вы поживите в районе спальном
попейте пива с братвой-ботвой
нам тут не плохо нам тут нормально
смущает только нас гонор твой
смущают только нас те бирюльки
что дребезжат у тебя внутри
чего нам рильке тащи нам рульку
без выкрутасов тащи смотри
тут бьется в теле душа живая
и под ногами горит земля
хоромы царские обживают
спортсмены мля патриоты мля

* * *

Когда живого Шевчука
мы на допрос везли в ЧК,
твердил мне Юра-музыкант,
что я говно и оккупант.
А мне бы в медном купоросе
прополоскать бы эту тварь,

но строчку «Что такое осень...»
узнал я раньше, чем букварь.
У них, певцов, свои законы,
потусторонние миры,
а из меня растут погоны,
как ствол растет из кобуры.
Пока мы ехали по минке,
режим сменился. Тчк.
А после на моих поминках
коллеги пели Шевчука.

* * *

С искаженным лицом эпилептика
Рвись, хватай путеводную нить...
Знаешь сотый закон диалектики?
Так о чем нам с тобой говорить?..
Много будет плохого-хорошего,
Иногда даже будет the best...
Эта жизнь — виртуальное крошево,
До секунды отмеренный квест.
У метро Академика Янгеля
Тусклым светом блюют фонари...
Видишь, по небу плавают ангелы? —
Ни хрена ты не видишь — не ври.
Это облако в небе полощется...
Тот блажен, кто одет и обут.
Деревцо превращается в рощицу —
Ее скоро под корень сведут.

* * *

Дым кальяна холодный и пряный
не вреднее желаний твоих.
Кесарь умер. Иван Купреянов
пишет свой самый искренний стих.
Изучив дно коробки от пиццы,
в никуда матерятся бомжи.
Причесав черепов черепицу,
новостройки готовят ножи.
Тут за бабками гнаться без мазы,
даже если без бабок никак.
Гаснут звезды. Олег Карамазов
настороженно смотрит во мрак.
Где гаишники пьют алкозельцер,
перед самой парковкой в Аид,
из подземки выходят индейцы,
принимая торжественный вид.

На индейцах дешевые бусы
и по грамоте в каждой руке.
Рядовой Родионов с Иисусом
едут в небо на грузовике.

* * *

От горних вершин до земных низин:
повсюду следы наших лап.
Господи, я никудашный сын
и никудашный раб.
Я не умею, как царь Давид,
петь для Тебя псалмы.
Господи, мой непотребен вид,
мысли мои хромы.
Знаю: Твой мир справедлив и прост,
не мыслю о мире ином,
вот только когда начинается пост,
приходят друзья с вином.
Так и припремся оравой всей
мы на небесный трап.
Папа, я в гости позвал друзей...
Мы правда тихонько, пап.

* * *

Когда я окажусь на том вокзале,
с которого не взять билет домой,
и девушка с нездешними глазами,
как в детстве, проплывет передо мной:
Я, выдохнув остатки перегара,
ударюсь взглядом о дверной проем,
и песня «Команданте Че Гевара»
возникнет в подсознании моем.
Заколет под лопаткой — может, совесть,
а может, печень — кто ее поймет...
Объявят поезд. Кто-то сядет в поезд.
А я зачем-то вспомню самолет...
Потом зачем-то вспомню перепалку
с писателем из города Уфа
и детскую нелепую считалку:
чего-то было в ней про цу-е-фа.
Потом пойму:
меня уже не стало.
И прямо с потолка повалит снег...
По-птичьи осторожно и устало
ко мне подсядет заспанный узбек.

И я тогда, обняв его, как брата,
тоскливо, по-собачьи затяну:
— Не за грехи мои придет расплата,
я через жизнь пронес свою вину...

* * *

Смерти нет, просто тело земное
не годится для жизни иной.
Все, что было распято зимою,
неприменно воскреснет весной.
Сколько нас, искалеченных бытом,
бойко рвущихся к целям чужим...
Но не будет у Бога забытых
и не будет непринятых Им.
На Венере! Ах, на Венере,
мы однажды родимся опять...
Как же хочется в это поверить
и всю жизнь про себя повторять...
Нас пилатит, каифит, иудит,
очерствляет и сводит на нет...
Страшно будет.
И стыдно нам будет.
А потом только вечность и свет.

* * *

Лишь тебе, мой задумчивый мальчик,
я открою заветный секрет:
прикупи себе тихий подвальчик,
обустрой себе в нем кабинет.
Сделай так, чтобы эта планета
умещалась во всей полноте
на столе твоего кабинета,
в непроглядной его темноте.
Будь готов безвозвратно проститься
с тем, что сердцу дороже всего.
Отыщи в своей памяти лица
и узнай в этих лицах Его.
И когда ты научишься слушать
небо над водосточной трубой...
Вот тогда отпусти свою душу
на желанную встречу с собой.

* * *

Только-только пеленки
ты сменил на штаны,
как закончилась пленка
на бобине луны.

Ты готовился к роли
и играл на века,
а итоговый ролик —
облака, облака...

Иже на небеси нам
будет всем хорошо,
что, скажи, кроме сына
у тебя за душой?

Горло сдавит вина, и
страх возьмет за плечо.
— Я не знаю. Не знаю
есть ли что-то еще...

* * *

Стоят фонари бледные,
Изображают уют...
Бедным подают бедные —
Богатые не подают.

Холодно тем, кто рос среди
Люминесцентных огней...
Подай мне терпения, Господи,
Голодной душе моей.